

что это за зин?	4
список имён людей, которые высказываются в текстах	6
авторство как проблема	8
кто что пишет об авторстве	11
практикум 1	12
кто оказывается автором: человек, институция, коллектив	14
практикум 2	16
хайлайт — в чём ответственность автора тело, техника и прочая материальность авторства	18
практикум 3	20
феминистское письмо	26
практикум 4	28
практикум 5	32
fin	34
	36

ЧТО ЭТО с. 4—5 ЗА ЗИН?

это зин о том, как быть автором* в научном тексте.

когда мы пишем текст, то волей-неволей надеваем одежды автора.

даже больше — залезаем в кожу автора, даже если мы куда меньше или толще её — и она то рвётся, то морщит. и не приживается, не срачивается со своей.

мы организовали в библиотеке Шанинки встречи серии Research & Write об этом зазоре, о не-срачивании. мы — это в основном три человека. Полина Колозариди, Ирина Антошук и Наталья Винокурова.

за 2020-2021 учебный сезон прошло четыре встречи. они посвящены авторству как проблеме, женскому тексту и феминистскому письму, техническим и материальным вопросам создания текста, а также коллективному авторству.

в зине мы собрали материалы этих встреч:

- элементы расшифровок
- отрывки из теоретических работ, на которые опирались
- практикумы, которые позволяют работать с поставленными проблемами

зин может пригодиться для тех, кто работает с текстами или преподаёт.

ваши,
составительницы зина

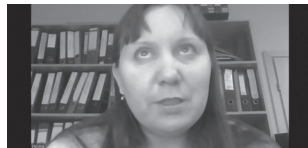

* — мы используем это слово, а не слово авторка/авторица или писательница/исследовательница и так далее. мы пытаемся работать с классическим пониманием фигуры автора по отношению к произведению, институтам и так далее. замена на феминитив вносила бы в данном случае другой смысл. авторка — уже иначе может относиться ко многим обозначенным здесь проблемам, и это тема для отдельной работы.

СПИСОК ИМЁН с. 6—7 ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ВЫСКАЗЫВАЮТСЯ В ТЕКСТАХ

Полина Колозариди — интернет-исследователь, координатор клуба любителей интернета и общества, работница образования.

Ирина Антошук — аспирантка университета Амстердама и СПбГУ, исследователь миграции и науки, любитель качественного письма и анализа текстовых практик в социальных науках.

Анна Желнина (с. 8—10)
преподаватель факультета
свободных искусств и наук
СПбГУ, автор сайта «Город
ногами социолога»

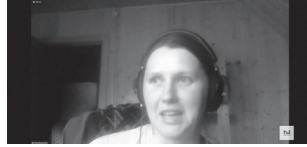
Екатерина
Кулиничева (с. 9—10)
исследователь моды,
журналист, преподаватель
МВШСЭН

Андрей Тесля (с. 15)
историк общественной мысли,
старший научный сотрудник
БФУ

Анна Кулешова (с. 18—19)
социолог, ответственный
редактор в ВЦИОМ,
председатель Совета по этике
научных публикаций

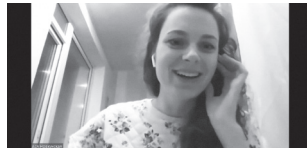
Анна Мурашова (с. 21, 23)
филолог, интернет-
исследователь, социолог
и антрополог литературы

Елена Кочухова (с.23)
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Института философии
и права УрО РАН

Александр Марков (с. 22—23)
философ, историк культуры,
специалист по интерпретации
изобразительного искусства,
анализу классических и
современных произведений.

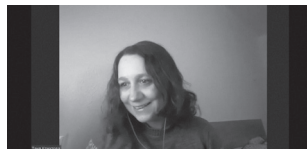
Ася Новкунская (с. 28)
социолог, исследовательница
здоровья и медицины, доцент
факультета социологии
ЕУСПб

Дарья Литвина (с. 28—29)
социолог, научный сотрудник
факультета социологии
ЕУСПб

Александр Фокин (с. 29)
историк, доцент ЧелГУ

Татьяна Крихтова (с. 30)
исследовательница религии,
научный сотрудник научной
лаборатории «Социология
религии» ПСТГУ

Анастасия Головнева (с. 30)
ассоциированный
исследователь Центра
изучения Германии и Европы,
аспирантка Амстердамского
университета

авторство с. 8—11 как проблема

Из встречи «Я/мы
пишем социальную
науку»

Анна Желнина: Я слово «авторство» в своей жизни, наверное, не употребляла ни разу. Может, это слово у меня возникало в отношении Льва Толстого или других авторов художественной литературы: кто автор этого великого произведения? А что касается других текстов — я пишу диссертации, статьи и прочие стандартные академические форматы — я в этом контексте ни разу не употребляла слово «Автор».

Письмо — да, писательство — да. Письмо — это конкретное прагматическое ремесло, задача, которая включает в себя понятные подразделы: для кого ты пишешь? зачем ты пишешь? почему ты пишешь именно так? Это не только технические задачи. Академическое письмо — это понятно устроенная дисциплина с конкретными задачами и проблемами. А авторство — это что-то из совсем другой области.

Ирина: У меня другая проблема — я, наоборот, чувствую себя автором. И для меня авторство далеко не ограничено текстами художественных произведений. Академия и академическое письмо производят автора — есть регламенты академических текстов, которые очень жестко задают эти позиции. В научных текстах автора меньше, или он вообще пропадает.

Но пропадает не потому, что его съедает дискурс, а потому что возникает author-function (функция автора). Как будто в научных текстах мы имеем дело с тем, что авторов нет, и ценность научного текста зависит не от автора, его привнесений, нового знания. Это будто больше зависит от конвенций устройства этого текста: как он произведен, как он вышел, кем он читается, как он циркулирует.

Анна: Мы просто являемся авторами разных вещей. Но автором проекта исследования являюсь я. Потом, когда я пишу текст по итогу проекта, то выступаю как писатель, который решает технические задачи: как написать понятный текст, который донесет до людей мои мысли и т.д. Это разные уровни нашей субъективности — писатель, который пишет, и автор, который придумывает.

Чтобы решить проблемы в каждой из этих областей — нужно конкретно ставить вопросы. Например, если я хочу написать в тексте, что я сделала: куда пошла и о чем поговорила с людьми, а мне редактор журнала пишет, чтобы я использовала «мы» и **трехэтажный пассив** — это про другое, это уже борьба с редактором. Я думаю, многие с этим сталкиваются — особенно те, кто решили, что являются субъектами своих исследований и хотят, чтобы их было в видно в собственных текстах. Это третья сфера — борьба с людьми, которые пытаются тебя дисциплинировать.

Ирина: Мы как авторы, как субъекты, очень сильно себя создаем, когда пишем. Пока я не приступил к написанию, я и не автор. Для меня часть работы с идеями и часть исследовательского процесса — это письмо. В процессе написания приходят новые мысли

и я все кардинально пересматриваю. В результате я пишу то, что никогда не думала написать. Я правда думаю, что текст формирует меня не меньше, чем я — текст. Я после текста выхожу другим субъектом: и телесно, и интеллектуально.

читаем вместе:

Мишель Фуко — текст лекции «авторство — что такое автор?» (foucault, m. (1979). authorship: what is an author?. screen, 20(1), 13-34

Клиффорд Гирц (geertz, c. (1988). works and lives: the anthropologist as author. stanford university press)

Екатерина: Другой вопрос — как мы это авторство манифестируем и конструируем в тексте.

В англоязычной традиции, например, принято буквально включать в свой текст много других авторских голосов, потому что традиция диктует вам определенные способы цитирования. Часто недостаточно просто указать в скобках книжку, которая навела вас на мысль, но лучше включить фразу или несколько из текста другого автора. При этом есть тонкий момент:

вы должны точно показать, где ваш голос, а где — чужие. Хотя они становятся частью вашего повествования и решают в этом тексте ваши задачи.

ДАЛЕЕ ОБ ЭТОМ НА С.14—15.
А ТАКЖЕ ЧИТАЙТЕ НАШ ЗИН
«ЗАЧЕМ РАЗГОВАРИВАТЬ
С МЕРТВЫМИ БЕЛЫМИ
МУЖЧИНАМИ?»

Анна:

Я отказываюсь мыслить о своем письме в терминах дискурса Фуко, потому что это

приводит к тому, что ты начинаешь много думать о каждом своем действии, о каждом предлоге (а не говорит ли через меня властный субъект в этот момент? говорю ли я?). Так, что даже ручку уже нельзя поднять со стола! Это настолько проблематизирует письмо, что я в силу своих профессиональных обязанностей с этим смириться не могу.

Полина: Когда я слушаю вас, у меня возникает чувство, что все институты существуют для того, чтобы бедного человека, который пытается стать автором, — загнобить. Хотя институты нам могли бы помогать.

Екатерина: Да, не придумываем ли мы людей, которые путают нас и читателя со всех сторон. Например, откуда это «мы»? И что оно значит? Может, это вид ложной скромности? Или это значит «Мы как часть российской науки что-то имеем в виду»? Но что делать, если ты с коллегами или с устоявшимися тезисами как раз споришь? Может ли тут быть «мы» в случае провокативной гипотезы?

Полина: Меня иногда тянет написать «Мы» в академической или публицистической статье. Я это делаю в двух случаях:

- Манифестарный текст — результатами многих наших исследований могут оказываться вещи, которые заставляют нас всех пересмотреть то, как устроено наше знание о чем-то. Пример: мы все думали, что Интернет устроен так, а он устроен иначе.
- Мы как определенное сообщество. Мы как исследователи истории интернета — понятные 150 человек. Это о солидарности. И когда я пишу, я хочу, чтобы они ко мне присоединились.

КТО ЧТО ПИШЕТ ОБ АВТОРСТВЕ

Розалинд Иванич показывает, что есть разные ипостаси авторства. И иногда мы их путаем, и от того, что мы их не разграничиваем, и возникают шероховатости — наша внутренняя неустроенность.

1. Мы себя ощущаем как конкретный человек, который сидит и за компьютером что-то набивает, пользуется пальцами — конкретный индивид.
2. Дискурсивная ипостась (discoursal self) — создается как характер, как персонаж в тексте. Это уже все по законам новеллы — мы герой своего текста.
3. Автобиографическая ипостась (autobiographical self), когда мы через призму личной биографии и взглядов присутствуем в тексте.
4. Авторская ипостась (authorial self — self as author) — то, каким образом мы применяем разные техники письма, как создаем свою властную позицию в тексте.

Розалинд Иванич — книга writing and identity — «письмо и идентичность» (ivanič, r. (1998). Writing and identity: the discorsal construction of identity in academic writing. John benjamins)

практикум 1

с. 12—13

элемент в структуре

интерпретатором

саморедактор (насколько ты позволяе

просвещенец, транслирующий Знание в Массы

**а кем ещё
можно быть
по отношению
к своему
исследованию
и/или тексту?**

этический (самоцензор, тщеславный) субъект

жрицей научных подходов

глашатай чужих мыслей и мнений

уре (просто пишу текст, потому что нужно сдать, дедлайн, зарплата...)

яешь своей мысли литься)

участник коммуникации (поймут или не поймут, как отнесутся)

Кем можно быть по отношению к своему тексту —

поэтессой

внутри него, снаружи него, обнимать чтобы вокруг, взрыхлить, уходить на другую половину комнаты, мимикрировать, находить в тексте пустоты, в которые можно поместить себя как в кресло из сугроба — вот ты присел, и кресла больше нет, есть только отпечаток балоневых штанов. А получится ли не быть одному из вас? пляски! и скачем, сополагаясь

игрок, сделавший ставку/детектив, изучающий в лупу песчинки на подошве

транслятором прежних идей

кто оказывается автором: человек, институция, коллектив

с. 14—15

Из встречи
«Беспокойство
о коллективности»

Полина: Это разговор о том, что волнует нас как авторов во множественном числе. Он — про невидимый труд переводчиков и расшифровщиков, рецензентов, редакторов, неизвестных нам людей, которые формируют издательские серии или журналы. Это, с одной стороны, проблема недостаточной видимости. Но, с другой стороны, есть проблема ответственности. Мы видим сложно или неверно отредактированный, откорректированный текст, но не можем спросить: «А кто это сделал?», потому что за этим стоит коллективная общность и концов у того, кто в ответственности за то, что произошло, не найдешь. Нужно ли спрашивать у переводчика как у автора/соавтора о желании быть публичным? И кто это должен делать — автор публикации или, скажем, издатель? Или это работа, которая оказывается невидимой — раз она институциональная?

Ирина: Есть термины

- gift authorship,
- honorary authorship,
- undeserved authorship

Peters, M. A., Besley, T., & Arndt, S. (2019). Experimenting with academic subjectivity: collective writing, peer production and collective intelligence. *Open Review of Educational Research*, 6(1), 26-40.

Peters, Michael A. (2019) Knowledge socialism: the rise of peer production-collegiality, collaboration, and collective intelligence Jandrić, Petar, Nesta Devine, Liz Jackson, Michael A. Peters, George Lăzăroiu, Ramona Mihăilă, Kirsten Locke et al. "Collective writing: An inquiry into praxis." (2017): 85-108. Дополнительная литература: Martha Woodmansee (1997) *On the Author Effect: Recovering Collectivity*

(не знаю, какие варианты хороши на русском языке)

Есть большая категория ● non-authors ● не-авторы. Видимо, она охватывает частично тех, кто внес вклад: contributors, а также sub-authors, может быть, каких-то еще людей или не-людей.

Мы как будто бы записываем в одну категорию «автора» огромное число разных людей, которые участвуют в предварительной подготовке текста (расшифровщики и переводчики), в процессе подготовки, после подготовки (редакторы, корректоры, пруф-ридеры). Это, очевидно, очень разная работа, и она частично выполняется иногда самими авторами текстов. Какая категория была бы подходящей для обозначения?

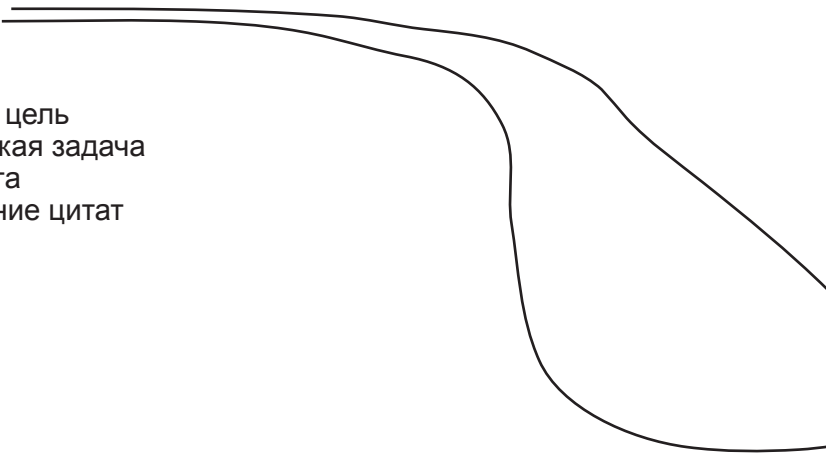
Андрей Тесля : Одна из фундаментальных проблем — это наука как отрасль народного хозяйства, как индустрия, как фабрика, publish or perish, то, что стимулирует коллективность, стимулирует сложный состав авторства, убивая, разрушая — нет, не юридическую конструкцию или ответственность, а гораздо более поздний, романтический по происхождению канон высказывания: авторство как индивидуальное.

И там, где речь идет о научении письму, о формировании, возвращении (поскольку речь зашла о магистрантах, бакалаврах, о написании учебных эссе) людей, это как раз та проблема, о которой раньше шла речь — проблематичность авторства. Это невосприятие текста как связанного с тобой-автором, неразличимость выхватывания чужих фрагментов и помещения их в собственный текст, непонимание, где вообще здесь проблема.

практикум 2 с. 16—17

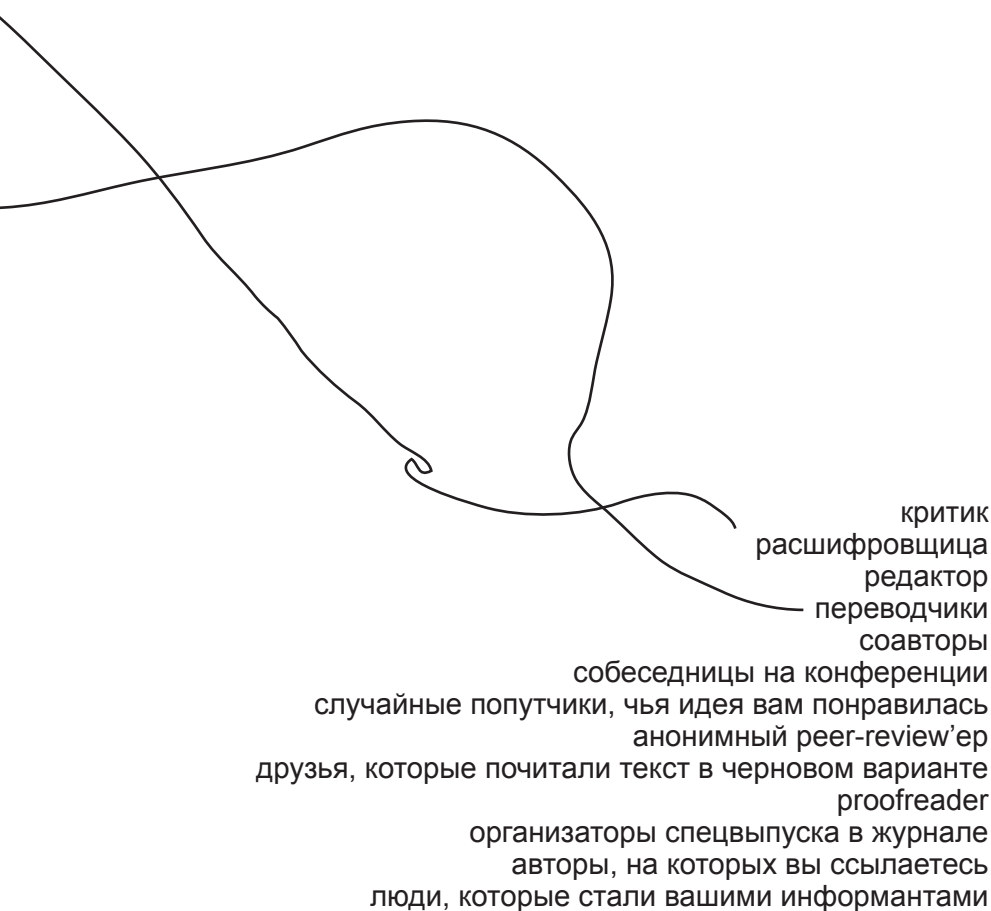
Проведите линии включенности разных «соавторов» в текст. можете дописать своих агентов и то, что они вносят в вашу работу

пунктуация
язык
идеи
социальная цель
академическая задача
логика текста
использование цитат
заголовок
объём
выбор слов

на что влияет:

КТО ВЛИЯЕТ:

критик
расшифровщица
редактор
переводчики
соавторы
собеседницы на конференции
случайные попутчики, чья идея вам понравилась
анонимный peer-review'ер
друзья, которые почитали текст в черновом варианте
proofreader
организаторы спецвыпуска в журнале
авторы, на которых вы ссылаетесь
люди, которые стали вашими информантами

В ЧЁМ с. 18—19 ОТВЕТСТВЕННОСТЬ автора

Из встречи
«Беспокойство
о коллективности»

Анна Кулешова:

- 1.** Зачастую, авторы — это люди, которые обладают властью принятия решений или властью распределения ресурсов. Наиболее яркие и понятны примеры, когда речь идет о медицине. Были случаи с выводом на рынки неэффективных лекарств. Оказывалось такое возможно потому, что были научные статьи со сфабрикованными данными. Есть научная статья — есть основание считать препарат проверенным. Но гуманитарии зачастую считают: «У медиков-то всё понятно — люди умирают, если не работают лекарства, но мы-то вреда никакого не несем».
- 2.** За первое полугодие 2020 года более 3 тыс. осужденных по статьям «за клевету», «за призывы к экстремизму» и проч. Осуждены они на основании гуманитарных экспертиз: их готовили лингвисты, философы, филологи, социологи и т.д. Надпись на майке «выдавливай из себя по капле раба» такие эксперты могли интерпретировать как призыв к свержению конституционного строя. Да, чтобы быть в суде экспертом по гуманитарной экспертизе, достаточно быть кандидатом наук, работать в университете и иметь публикации. Остальное

суду индифферентно — если статьи и диссертация с плагиатом, они в это не вникают. На основании заключений этих экспертов принимаются решения в отношении судебных людей.

3. Летом в Совет по академической этике (ЛИНК) обратился издатель с идеей: «А давайте мы напишем книгу о том, какую вы крутую работу делаете! Только мне хочется, чтобы книга не унылая была, а с яркими жизненными примерами: человек нарушил что-то — у него начались проблемы, его уволили из университета, лишили должности, запретили детей в университетах учить и т.д. Важно, чтобы люди читали эту книгу и понимали, почему нельзя с этим шутить». И всем Советом по этике, в который входят все от SCOPUSa до Web of Science, РИНЦ, Диссернета, Антиплагиата, НИУ ВШЭ, мы коллективно пытались найти хоть один такой пример. Нашли четырех людей, которые добровольно покинули свои должности после того, как была вскрыта их «нечистоплотность», а в остальных случаях наблюдали «отрицательный отбор». Ощущение, что система говорит: «Ооо, родненький наш! Пойдешь на повышение». Плагиат может оказаться путем в замминистры, например. Поэтому авторство должно быть индивидуально, и должна быть индивидуальная ответственность. Когда вы доверяете этим людям власть принятия решений в отношении себя, это становится проблемой. Пока вы не столкнулись с такими медиками или с такими экспертами в суде, кажется, что все не так важно — мы можем подписаться как «клуб любителей интернета и общества», но дальше это по-любому будет персональная ответственность.

тело, техника с. 20—25 и прочая материальность авторства

Из встречи «Я/мы
и материальность
текста»

Практики настоящего

Полина: Мы с вами — сообщество людей, которые занимаются одной и той же практикой — мы печатаем, читаем, обсуждаем тексты с помощью электронной почты, чатов, зумов и пр. Нас объединяет сходство практики.

Но как устроено наше авторское тело: из чего оно состоит, что в нем человеческого и не-человеческого. Напряжение связи материальности и социальности в вопросе авторства — это первое видимое и самое осязаемое напряжение, о котором хочется говорить. И проблематизировать изменения: что именно остаётся устойчивым, а что меняется, когда меняются техники письма?

Ирина: Технология — не пустой медиум. Он трансформирует не только наш продукт, но и повседневную физическую практику. Мы физически совершаем другие действия. Это в том числе влияет на наши когнитивные и ментальные процессы, потому что они происходят не только как «я все обдумал, все придумал, а потом сел и все написал» (хотя и так тоже немного). В таком способе неважно: сел с ручкой, сел с машинкой или сел за ноутбуком. Мы тут забываем связь мелкой моторики, физических манипуляций,

которые еще с детства вырабатываем, со структурами мозга, которые вырабатываем.

Раньше процесс переживался совсем по-другому, чем когда я поступила в университет и начала постепенно осваивать компьютер. Сейчас мои ощущения от работы, от текстов, которые я произвожу с помощью ноутбука, более дистанцированы. Я ощущаю недостаток возможностей физической манипуляции, мне хочется текст распечатать, взять его кусками, что-то с этими кусками поделаться.

Анна Мурашова: Я изучаю литературу в интернете, ту ее часть, которая живет в основном в электронном виде. Это тексты, которые публикуются на сайтах самопубликации: любой человек может зайти и опубликовать свое литературное произведение.

То, что представлялось как революция в писательских и поэтических техниках — сейчас у нас все будет интерактивно — не случилось. На площадках самопубликации, в магазинах, где продают электронные книги (как Литрес) — продаются в основном те же линейные тексты, которые просто написаны на другом медиуме или носителе.

Полина: У меня телесные практики изменились из-за гугл-документов: в любом состоянии сознания я ставлю кавычки скобочкой и галочкой в нужных местах, длинные и короткие тире. У меня просто пальцы приросли к соответствующим сочетаниям клавиш: я так делаю в чатах, в зуме даже. Это из-за того, что текст в любой ситуации должен прилично выглядеть.

Режим совместного письма и редактирования в гугл-докс и через пересылку файла в ворд — совершенно отличается. Здесь я хочу обратить внимание на категорически разную идеологию.

Гугл-док: одной стороны прекарно-независимая идеология: «Я разворачиваю свое рабочее место и тело где хочу, как хочу, с кем хочу». С другой стороны, определено более коллективное и приватно-публичная сразу — производство текста оказывается делом

компанейским. Не думаю, что публичным, но по крайней мере коллективным.

Совсем иная идеология у более институционального режима с отдельными приложениями, где ты не в вебе, а у себя на компьютере. За этим тоже есть идеология: есть институция, там есть роль: редактор — не автор, автор — не редактор. Чтобы в одном документе у вас встречались соавторы, рецензенты, друзья, читатели и редактор — Боже упаси.

Александр Марков: Что до материализации текста, я могу поделиться своим мемуаром, что еще в школе или ранне студенческие годы, если мне нравилась какая-то лекция или выступление, которое шло по телевизору, то я это не конспектировал, а брал пишущую машинку и по свежим впечатлениям делал что-то вроде реферата. Мне было важно, чтобы это сохранилось в моем личном музее.

Само верифицирование чего-то в качестве научного подразумевает, что мы знаем ту технологию, с которой мы соотносим этот научный вывод с другими научными выводами. Например, публикуем в журнале, который придерживается близких методологических предпосылок: нашу статью прочтут в контексте других статей, поставят ее во вполне материальный ряд. Материальность — это и есть систематическое производство материалов.

Практики будущего

Александр Марков: Не обязательно, что полные развернутые references будут заменены на ссылки или qr-коды, хотя я уже видел опыты книг с ссылками и qr-кодами вместо традиционно оформленных references. Например, книги по современному искусству могут быть оформлены так, если к ним не применяются требования монографий в научном издательстве — там могут быть полезные ссылки вместо библиографии.

Но меня волнует и тревожит то, в какой мере мы вернемся к телесности и отойдем от фетишизации текста, потому что до сих пор многие исследователи

первое, что делают с книгой — начинают сравнивать ее с каким-то грубым стандартом. А похоже ли это на научный текст? А вот так не пишут у нас.

А вот это словоупотребление не соответствует тому, что говорится в нашей школе. В результате такой дематериализованное фетишизированное существование мысли очень мешает диалогу. Я вижу будущее для научных текстов как не только научный журнал, но и вики-платформа. Для меня идеальным местом публикации была бы научно-академическая вики-платформа, где, действительно, можно написать статью и получать комментарии, править ее, апгрейдить ее время от времени, и это будет вики-статья.

Анна Мурашова: По поводу будущего я думаю про нейросети, которые будут генерировать тексты по заданным читательским параметрам. И как тогда у нас трансформируется понимание авторства в связи с этим. Кто тогда будет автором? Читатель, который задал параметры? Тот, кто задал изначальный код? Тот, кто натренировал нейросеть? Где у нас появляется автор в фантастическом будущем?

Елена Кочухова: Мне кажется, именно в академической среде будет больше вариантов письма, принимаемых как нормативные. Я думаю, что само понятие нормативности пропадет, у нас будет больше разных

способов самовыражения.

Тексты будут сокращаться, а разнообразие форм, в которых они могут быть представлены — будет расширяться.

читаем вместе:

Clayson, A. (2018). Distributed writing as a lens for examining writing as embodied practice. *Technical Communication Quarterly*, 27(3), 217-226.

Haas, C. (2013). *Writing technology: Studies on the materiality of literacy*. Routledge

Porter, J. (2003). Why technology matters to writing: A cyberwriter's tale. *Computers and Composition*, 20(4), 375-394.

Micciche, L. R. (2014). Writing material. *College English*, 76(6), 488-505.

Таблица 1. Влияние новых технологий письма		
Период времени	Основной тип технологии письма	Влияние на производство текста, процессы распространения научных взаимодействия
Ранние 80-ые	Текст обрабатывается и пишется на компьютерах	Процесс: повышается скорость и эффективность полиграфического производства
Поздние 80-ые	Издательская система на рабочем столе	Производство: расширяются возможности для работы с графикой в печатной продукции (например, макет страницы, варианты типографики)
Ранние 90-ые	Ранний интернет: email, синхронная связь (чат)	Распространение сообщений и коммуникация: повышается скорость общения и увеличивается потенциальный диапазон распространения Социальные взаимодействия: при синхронной коммуникации возникает новый тип риторической динамики («виртуальные сообщества» и синхронные чаты)
Сере-дина 90-ых	Поздний интернет: доставка писем по интернету (графическая электронная почта, веб-авторство)	Производство: объединяются более ранние технологии, это обеспечивает передачу графических документов через интернет.

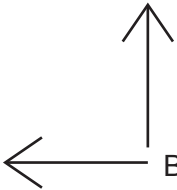
Социальное взаимодействие:
интернет привлекает
общественное внимание
и воображение (не говоря уже
о деловом использовании)

Поздние 90-ые — ранние 00-ые

Мультимедийное письмо

Производство: расширяются
возможность использовать
аудио, видео графические
изображения

Распространение информации:
повышается скорость доставки
(даже для больших файлов).

В этой табличке Джим перечисляет разные эры своего писательства и влияния технологий на письмо. Он замечает, что карандаша никто не отменял, потому что карандаш дает дисциплину. Письмо начинается с чтения, а читаем мы с карандашом. И даже если читаем электронную книгу, то заменяем карандаш средствами отметки — highlights — воображаемым маркером. У Джима в тексте прослеживается очень непосредственная связь чтения и письма, а уже затем — коммуникации с другими людьми, на которую влияют и интернет, и электронная почта. Но карандаш дисциплинирует, карандаш дает возможность не просто быть пользователем, а быть вовлеченным читателем. Он с опаской говорит о «пользовательском повороте» в работе с текстом, когда мы действительно погружены в электронные материалы — «pencil matters», как он пишет.

практикум 3 с. 26—27

страница для написания текста необычным медиумом,
вот он, белый лист

феминистское ПИСЬМО с. 28—31

Из встречи
«Я/мы
автор*ка»

Ирина: Тексты из списка, который мы предлагали — это попытки найти альтернативы, другие виды и формы письма. Это попытка нарушить привычный ход и структуру научного повествования. Intersectional writing, bisexual writing — такие концепции предлагаются. Какие есть способы этого нарушения, вплоть до конкретных техник?

Полина: Когда мы переживаем это в своих попытках авторства, это становится проблемой, вырастает мгновенно многоликий тысячерукий маскулинный герой. Не выращиваем ли мы его сами? Эта проблема меня беспокоит, потому что я думаю, что выращиваем, но зачем? И не нужно ли нам разобраться с дисциплиной, а не с маскулинностью?

Ася Новкунская: Не уходим ли мы тогда по этой траектории от другой важной феминистской повестки — наше знание и то, как мы его презентуем, становится настолько сложным, что социальное неравенство в итоге возрастает. В попытке изменить форму и сделать ее провокативной, не увеличиваем ли мы разрыв между познающим и познаваемым? Не теряем ли мы тогда важную этическую составляющую феминизма?

И возможно ли вообще феминистское письмо без феминистского исследования?

Дарья Литвина: Что такое феминистское исследование? Это исследование, в основе которого лежат определенные этические принципы. Это принцип учета позиций исследователя и исследуемых, это

то самое ситуационное знание — когда мы пытаемся понять, каким опытом обладают люди, которых мы исследуем, обладают ли они эпистемическими преимуществами, более ли выгодна их позиция для понимания того, что происходит? Какую позицию при этом занимаем мы по отношению к этим людям? Проявляем ли мы власть? Мы стараемся ее нивелировать?

Александр Фокин: Когда я думаю о теоретических и эпистемологических основаниях феминистских и гендерных исследований, этот вопрос меня волнует — когда теоретики говорят о том, что научность, к которой мы привыкли — это производность определенной идеологической ситуации, и ее надо преодолеть. Я внутренне (может, из-за непреодоленного внутреннего патриархата во мне) не могу до конца с этим согласиться.

читаем вместе:

Besley C. (2000) *Writing as a Feminist*
Handforth R., Taylor C.A. (2016) *Doing Academic Writing Differently: a Feminist Bricolage*
Phillips M., Pullen A., Rhodes C. *Writing Organization as Gendered Practice: Interrupting the Libidinal Economy*

Когда человек говорит, что он историк-марксист или придерживается в социологии позиции Вебера — вроде бы у нас никаких вопросов к нему не возникает. Мы можем соглашаться с его основаниями или нет, но считается, что это

нормально. Но если человек говорит, что он феминист и хочет, например, заниматься историей или социологией с феминистских позиций, здесь действительно от своих коллег можно ощущать недоверие. Они готовы признать человека марксистом или неокантианцем, если он так заявляет свою позицию. Но при этом они не готовы принять проговоренное феминистское самоопределение.

Я опасаясь, что феминистская оптика может иногда некритически осмысленно работать как такой марксизм. Раньше мы ставили цитаты из Маркса и Энгельса, сейчас будем ставить цитаты из Батлер и Симоны де Бовуар. Просто для того, чтобы определить себя как феминистки — и везде искать патриархат, дискриминацию, угнетение. Я внутренне ощущаю, что это может быть ловушкой.

Анастасия Головнева: Очень часто феминистских писательниц, в том числе и академических, помещают в категорию экспериментального письма. Сама по себе категория эксперимента — классная и очень подрывная, но часто это самоисполняющееся пророчество, в котором, описывая себя как экспериментальную писательницу, мы себя помещаем на периферию и определяем себя через сопротивление чему-то (только не всегда понятно — чему).

Для академического письма всегда здорово видеть разные попытки переопределить, апроприировать или изобрести какие-то форматы или формы: игра со шрифтами, форматами, вопросами. Мы видим в тексте, что коллективность достигаема, но она всегда связана со внутренним напряжением, и две авторки текста, возможно, не во всем соглашаются — у них очень разные траектории академические и жизненные. Они играют в игру: где и чей голос как и какой эффект производит? Мне кажется, это очень хороший выбор для того, чтобы увидеть коллективность. Феминистское письмо во многом про коллективность.

Татьяна Крихтова: Я хочу также поговорить не о том, как мы пишем наши тексты, а о том, что происходит с ними после. К теме семинара я вспомнила историю, что произошла со мной недавно. К одному очень важному для меня тексту пришла рецензия, в которой рецензент назвал меня словом «барышня». Причем это было в контексте «барышня старательная и образованная», но меня это очень сильно обидело, даже больше, чем все остальное, что он сказал про мой текст. Когда я попыталась поговорить об этом с коллегами, я услышала: «Если называют автора текста «мужиком», он же не обижается». Но я плохо себе представляю рецензию на текст, где автора называют «мужиком». Скорее всего, его будут называть «автором текста».

Полина: У нас наметилось две позиции. Одна за то, чтобы революционизировать и смотреть на феминизм как на навсегда-подрыв.

С другой стороны, это практика некоторой научно-исследовательской честности: если человек захочет сделать что-то подобное, пойти моим путем и соотноситься с тем, с чем я соотносилась — будет возможность это сделать. Хорошо бы это было в любых текстах — феминистских или нет. Не понимаю, при чем тут феминизм, но может это и хорошо.

практикум 4 с. 32—33

Дисклеймер:

мы хотели предложить вам прокомментировать/
переписать теоретический текст с учётом того, как
в нём включены/реализованы отношения власти, о ком
текст заботится. но не нашли универсальный фрагмент,
поэтому предлагаем вам самостоятельно подобрать
актуальный для вас отрывок текста и подумать, как
резонируют в вас позиции, из которых пишет автор/ка

практикум 5

с. 34—35

Это тест, который позволяет подумать о том, что значит феминистский текст. Цифры в этом тесте мы предлагаем проставить самим – чтобы понять, как именно вы понимаете, что такое для вас феминистское исследование и текст. Проставьте в каждый квадратик цифры от 0 до 3 (по своему желанию). А потом можете проходить тест сами и вместе с коллегами и подругами.

что случилось в вашем тексте? в начале было исследование?

- вы провели и документируете феминистское исследование, хотя не представляете пока, как оно будет опубликовано
- вы не уверены, что исследование феминистское, но текст вы стараетесь написать, показывая разные стороны исследовательской работы
- я не уверен_а в том, что значит феминистское исследование, но всё было обдумано

в текст проникли разные авторы помимо вас?

- информанты благодарно описаны, но я переживаю за их анонимность
- текст теоретический, я ни с кем не общалась для того, чтобы его написать
- всё же пришлось сделать классический список источников, а как иначе?
- некритически сослались на много феминистских авторок

теперь – о том, кто появился в тексте в процессе рецензий

- в рецензии вас назвали барышней / мужиком

- рецензия учла то, чего вы сами не замечали и позволила сделать текст более ясным и расположенным к разным читателям
- после рецензии вам пришлось внести в текст политическую позицию, иначе его бы не опубликовали, хотя вам не хотелось
- рецензент/ка – явно из другого поля, и я не понимаю, зачем ему/ей пришлось это читать? да и нужно ли, чтобы текст был совсем для всех?

как устроено ваше авторское «я/мы»

- вы коротко обозначили свою позицию в конце, зачем в научном тексте столько «я»?
- вы обильно отрефлексовали свою позицию, кажется, перевешивая всё остальное
- ваша субъектность в тексте очевидна и подкреплена спорами прежних авторов и авториц

и каков ваш стиль?

- текст написан легко и понятно, он здорово действует на читателя
- текст написан сложно и зыбко, зато вы всё отрефлексовали
- текст написан академично и чётко, феминизм и строгость хорошо живут вместе

РЕЗУЛЬТАТЫ

0—3 вы написали интересную статью в классической форме

4—6 вы написали текст в рамках феминистской методологии

7+ вы написали текст, которые революционизирует практики письма

Зин-рабочая тетрадь здесь заканчивается.

Вы можете сделать с ней всё, что захотите: мы стали авторами первоначальных вопросов и немного волнуемся. Ведь как бы мы ни говорили, что дело за вами, зин предполагает некоторые принципы.

Мы будем дальше уточнять их и оспаривать, и если вам хочется продолжить, пожалуйста, напишите в чат**. Или не пишите, а сделайте то, что считаете нужным.

Все упомянутые тексты есть в нашей папке*. Если вас заинтересовал кто-то из авторов отдельно, пожалуйста, напишите в чат**, и мы поможем вам найти текст.

Но важно вот что: зин — совсем не учебник академической жизни. Он не поможет вам писать лучше или точнее, для этого есть программы академического письма. Он не сделает вас сразу умнее и рефлексивнее.

Зин пригодится для сомнений и постановки вопросов. В какой-то момент вам захочется его отложить, перестать рефлексировать и начать действовать.

*общая папка с текстами

**чат

страница с расшифровками на сайте

